

Год 42 от Сотворения Столпов

Царила по-особенному темная октябрьская ночь. Такие случаются лишь раз в году, когда рябь идет по воде мироздания, приоткрывая завесу между-мирья. В ночи, подобные нынешней, богобоязненные люди сидят по избам, готовят подношения

и ждут в гости почивших предков, зажигая на окне приветственную свечу. Добрые люди носа не кажут на улицу в такую ночь — и тем более не прогуливаются по лесу. Но мужчина в длинной накидке, с кошачьей грацией следующий по тропе, добрым не был. Да и человеком назвать его было бы ошибкой.

Всюду, где ступала нога незнакомца, ночь смолкала, за-таив дыхание. Луна, боязливо выглянув из-за облаков, мельком осветила когтистые руки-ветви деревьев и вновь поспешно скрылась из виду. Облик мужчины не был пугающим или хоть сколько-то опасным, но живность, приняхавшись, бросалась врассыпную. Хозяин не в духе. Хозяин спешит. Не стоит по-падатся под горячую руку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАГИЯ КРОВИ

Незнакомец замедлил шаг, а после и вовсе шагнул с тропы в самую гущу леса. Из темноты раздался оклик. Определенно, это была встреча двух давних знакомых, не обремененных дружбой.

— Я долго тебя ждал, — голос второго собеседника был недовольным: ни намек на почтительность.

— Видишь ли, не всем досталась роскошь свободно ступать куда заблагорассудится, — невесело усмехнулся мужчина в накидке.

— Я понял твой замысел. Знаю, чего хочешь. Мне это не по душе, — теперь в голосе собеседника слышалась явная неприязнь.

— Как вы, люди, любите престранные выражения, которые не имеют никакой связи с реальностью. Тебе вообще ничего не может быть по душе, — хохотнул наш незнакомец, словно ему удалась какая-то хорошая шутка. — И, заметь, в этот раз ты первый заговорил об этой твоей душе.

Собеседник не ответил, лишь воздух с шипением вырвался сквозь стиснутые зубы. Дурного расположения духа своего знакомого мужчина в накидке, казалось, не замечал. Твердой походкой, словно знал здесь всё назубок, он неспешно прошелся взад-вперед между деревьев. Из-под полы темной накидки вынырнула ладонь и заскользила по шершавой коре. Луна, не выдержав, любопытно высунула бок из-за тучи, осветив поляну, где всё так и дышало ненавистью одного и веселой пренебрежительностью другого. Подул легкий ветерок, капюшон накидки упал на сильные стройные плечи, и показалась рыжая как огонь шевелюра. Мужчина обернулся, ноздри его дернулись, жадно втягивая ночной воздух, а глаза впелись в лицо высоко-светловолосого парня.

КНИГА ПЕРВАЯ. КРУГИ НА ВОДЕ

— Ничего ты не понял, милый мой, — сказал огненноволосый. — Жаль, что пока ты не видишь дальше своего носа. Ума не приложу, что же она в тебе нашла...

Светловолосый дернулся, будто его ударили.

— Надеюсь, ты со своими коварными планами провалишься в тартарары! — выплюнул парень.

— Сколько чувства, — вздохнул мужчина. Он со скучающим видом потеревил под подбородком застезжку накидки, которая в лунном свете сверкнула яркой вспышкой, а после продолжил: — Придется пожить на погосте какое-то время. Ты знаешь, что делать. Выполняй.

— Только потому что у меня нет выбора, — с болью прошептал парень.

— Как удачно для меня, — устало вздохнул мужчина в накидке, — что у тебя нет выбора, Кащей!

Парень вскинулся, готовый выплюнуть злые слова в лицо ненавистному собеседнику, но того и след простыл. Юноша со стоном опустился прямо на траву и вцепился в волосы. Раскачиваясь, он как заговоренный шептал:

— Будь ты проклят! Будь проклят!

Мужчина в накидке наблюдал исступление недавнего собеседника через просвет в густых ветвях деревьев.

— Ох, тут ты опоздал, малыш, — беззвучно прошептали губы рыжеволосого, и луне на миг показалось, что перед ней суций старик — до того мұка исказила красивые черты лица. — Я проклят уже давно.

Год 43 от Великого Раскола

Меня вырвало из небытия так внезапно, что вначале я даже не поняла, где нахожусь. Но через секунду обрушилось — будто на меня ушат ледяной воды опрокинули — осознание. Скользя по грязи руками и ногами, я попыталась продвинуться вперед, пока ладони не ткнулись в родное.

Он был мертв. Я знала это. Даже не прикладывая голову к *его* груди. Чувствовала, что здесь больше нет жизни. Всё было мертво.

Только дождь продолжал лить. Почему мир не остановился вместе с любимым сердцем? Как все вокруг может идти своим чередом, если моя жизнь разрушилась? Я не чувствовала ничего, кроме своего мокрого одеревеневшего замерзшего тела. Меня обступал любимый лес, но я больше не ощущала связи с ним. За спиной покоилось то, что когда-то служило домом. Здесь были счастье и безопасность. А сейчас — только смерть и тишина.

КНИГА ПЕРВАЯ. КРУГИ НА ВОДЕ

Я всё же приложила голову к *его* груди. Не для подтверждения, а чтобы быть ближе. И закрыла глаза.

Утро не принесло облегчения. Я всё еще была здесь. Дышала. Жила.

Наклонив голову, я рассматривала *его* лицо в скудных рассветных лучах. С тех самых пор, как нам минуло по девять зим от роду, *его* лицо, обращенное ко мне, всегда было наполнено светом и любовью, озарено хитрой улыбкой. Сейчас же *его* лик выглядел спокойным. Бледным, умиротворенным.

Возьми меня с собой, молилась я про себя.

Время текло по капле; солнце, очерчивая небосвод, отмеряло этот день. Я подняла руку и приложила к *его* щеке. Холодная, как земля под нами.

Мне не хотелось никуда уходить. Можно ли навсегда остаться здесь?

Можно зажечь погребальный костер, Яшина.

Погребальный костер. Это было правильно. Таковы наши традиции. Но я не могла представить, что *его* прекрасное мужественное лицо превратится в золу, а мне останутся лишь кости. Так быть не должно. Я не смогу вынести еще и *это*.

День клонился к закату. Первый день или второй? Я не знала. Пришлось подняться с земли, одежда была влажной, местами даже задубевшей от ноябрьского холода. В это время солнце светит, но не греет. Сходя в то место, которое раньше звала домом, я принесла всё необходимое. Это не было просто. *Разрезать и вынимать*. Чувствовалось, будто и я внутри стала пустой, полой. Мертвой.

Втирать и намазывать масла́ было почти терпимо. Как последняя ласка. Для савана я выбрала ткань, которую

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАГИЯ КРОВИ

собственными руками ткала для жизни с *ним*. Теперь всё было готово. Переложила *его* на телегу. Не выдержав, отвернула угол савана, чтобы видеть лицо. Столько времени, сколько мне будет позволено.

Нужна лошадь. И я знала, что в *ту ночь* здесь были лошади, которые в ужасе разбежались. Повернулась кругом, вглядываясь в родной лес. Несмотря на ночные заморозки, вокруг уже отчетливо пахло мертвечиной, и я окинула взглядом остальных.

Собаке — собачья смерть.

Я позвала лошадь; должна услышать хотя бы одна. Мягко, извиняясь, я потянулась сознанием во все стороны, пытаясь не напугать. Через несколько мгновений раздалось взволнованное ржание. Мне нужна помощь, и эта помощь будет оказана.

Из-за деревьев выступила кобыла в яблоках и послушно потрусил ко мне, доверчиво ткнувшись мордой в плечо. Я, легко потрепав ее за гриву, запрягла в телегу и села на вожжах. Лошадь резво двинулась по дороге, повинуясь моей беззвучной просьбе, оставляя за спиной то, что когда-то было жизнью.

Год 43 от Великого Раскола

Как долго придется ехать, я не имела понятия. Во всех деревнях и селениях, которые я посещала, никогда никого не хоронили. Это было запрещено. Словно закричать на весь мир, что ты всё еще верен павшему богу. За такое можно сгореть на костре вместе со своим покойником.

Но я слышала шепотки бабки и матери, когда они были еще живы. О людях на севере. О сохранившихся погостах. Я смогу добраться туда. Зима еще не вступила в свои владения — лишь приветствовала мир в очередной раз.

Прошли ночь, день и еще ночь в дороге. Моя одежда будто высохла, но я не была уверена. Казалось, что холод, поселившийся в грудной клетке, распространился до кончиков пальцев. Я почти ничего не чувствовала. Даже не ощущала вожжи в руках. Мои когда-то шелковистые и густые волосы повисли замерзшими сосульками и закрывали обзор, но, чтобы убрать их, необходимо было поднять руку.

КНИГА ПЕРВАЯ. КРУГИ НА ВОДЕ

и нежно провела по крупу ладонью, замотанной во что-то наподобие рукавицы. — Я так давно не видела лошадей, — сказала она, а потом засмеялась.

Это звучало даже не странно, а немного пугающе. Но мне было всё равно. Разбойники они или парочка сумасшедших — дела нет.

— Я ищу поселения, рядом с которыми сохранились погосты, — я постаралась, чтобы речь была внятной. Длинные фразы давались трудно, приходилось выталкивать слова. Бабушка пришла бы в ужас, что я сказала *такое* совершенно незнакомым людям.

— Погост прямо за моей спиной, — оживился молодой человек, которого девушка называла Каленом, — мы живем прямо у погоста.

— Кален хотел сказать, что он смотритель. Устраивает погребения. Такая работа, — пояснила девушка.

Наверное, я заехала слишком далеко на север. Смотритель погоста? Вот уж да. Живой смотритель погоста? Вот уж да дважды. Где толпа с вилами и огнем, готовая покарать его и эту странную девушку?

— Я бы хотела узнать о погребении. Мне... — я не смогла продолжить, голос сорвался на хрип. Да и смотрителю это не было нужно. Заглянув внутрь телеги, он кивнул и скрылся из виду, унося источник света.

— Он за носилками, — пояснила девушка, бесшумно передвигаясь в темноте. — Люди зовут меня Мара, — почти пропела она мне в самое ухо.

Я не слышала, как она забралась на телегу, но кивнула. Потом сообразила, что в темноте вряд ли она бы это увидела. Вернулся смотритель, завозился, устраивая носилки в телеге.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАГИЯ КРОВИ

— Возможно, стоит провести погребение на рассвете? Каково твое желание? — в его голосе слышалась осторожность.

— Не стоит тянуть, мы долго ехали, — я удивилась, насколько безучастно прозвучал мой голос.

Кален запрыгнул в повозку и принялся двигать *его*. Он был очень аккуратен, но мне это было невыносимо. С трудом развернувшись, стала помогать. Худшая из всех существующих пыток.

— Мы с Марой обычно относим сами, — тихо сказал смотритель.

— Нет, я хочу нести, — от страха, что придется отпустить *его*, я дала петуха.

Подъем на холм смешался в одно темное пятно. Кален принимал на себя большой груз, я бездумно перебирала ногами в грязи, пытаясь помогать нести, а не мешать. Сознание ускользало и прояснялось, словно я пыталась покинуть это брэнное тело, но когда почти получалось, то возвращалась против собственной воли. Мара с лучиной шла позади нас. Прибыв на место захоронения, я опустила на землю рядом с *ним*. Кален принялся возиться с ямой, а я ощупывала землю вокруг. В свете лучины видно было плохо. Будет ли *ему* здесь уютно? Вырастет ли здесь по весне трава, согреет ли это место солнечный свет, который летом рассыпал по *его* коже веснушки? Опадут ли листья в пору сбора урожая? Он любил листья разного цвета — говорил, что это чудо матери-природы.

— Мара, уже пора, — голос Калена был странно приглушен.

Я заметила, что он выглядывает из глубокой ямы. Мы с девушкой подвинули носилки ближе к краю, и Кален

КНИГА ПЕРВАЯ. КРУГИ НА ВОДЕ

принял *его*. Аккуратно и бережно. Мне хотелось тоже быть там.

Выбравшись из ямы, смотритель принялся забрасывать землей тело. Я сказала это. «Тело». Всё происходило слишком быстро, я уже не видела очертания *его* фигуры. Через мгновение это была только земля. А еще через миг — возвышающийся над ровной поверхностью свежий холмик. Я тихо легла сверху. Просто чтобы быть рядом.

Земля между мной и *им* казалась непреодолимым препятствием. Больше не будет *его* пальцев в моих волосах, теплого поцелуя, руки в руке. Это было нестерпимо. Я закрыла глаза, и мрак поглотил всё.